



М. Ф. ОРЛОВ

П. А. Вяземскому

Киев, 4 мая 1818 г.

<...>

Я читал Карамзина. Первый том мне не пришелся по сердцу. Он сам в предисловии говорит, что пленительнейшая черта римских историков есть то, что на каждом шагу видим в них римских граждан во всей силе сего слова. Зачем же он в классической книге своей не оказывает того пристрастия к Отечеству, которое в других прославляет? Зачем хочет быть беспристрастным космополитом, а не гражданином? Зачем ищет одну сухую истину преданий, а не приклонит все предания к бывшему величию нашего Отечества? Зачем говорит, что Рюрик был иноземец? Что варяги не были славянами? * Что находит он похвального в призвании иностранца на престол Новгородский? Что лестного в том, что Олег ходил по России, с варяжскими войсками, собирать дань для варягов?

Прости, любезный друг, мое рассуждение. Ты знаешь, как я почитаю Карамзина, но первый том его Истории не соответствует моему ожиданию. Тит Ливий сохранил предание о Божественном происхождении Ромула, Карамзину должно было сохранить таковое же о величии древних славян и россов.

<...>

П. А. Вяземскому

Киев, 4 июля 1818 г.

<...>

Я критик не по познаниям, но по сердцу, и сужу о сочинениях не так, как писатель, но как гражданин. Издание истории

* Ни то, ни другое не доказано. (Прим. М. Ф. Орлова.)

Российского государства есть дело отечественное и потому, читав ее со вниманием, разбираю с строгостью. Прошу тебя не быть щедрым в разглашении сего письма¹, ибо я его диктую единственно для того, чтобы ты мог увериться, что первое мое суждение не было столь легкомысленным, как оно тебе показаться могло. По свойственному мне чистосердечию, я выбрал тебя посредником между мною и Карамзиным. Ты ему друг и знаешь, сколь я истинно почитаю его качества и дарования. Не имея никакой причины оскорблять самолюбие Николая Михайловича, я хочу только показать здесь впечатление, произведенное на меня чтением его сочинения. Я в первом сем письме не распространю мнения моего далее первых двух томов, которые я со вниманием прочитал; ежели же таковая переписка покажется тебе занимательною, то, по получении твоего ответа, могу продолжать разбор сего важного сочинения.

Я ждал Истории Карамзина, как евреи ждут Мессию; едва она вышла из печати, как принялся я за чтение оной с некоторым благоговением, готовый унижить собственный мой рассудок пред пятнадцатилетним трудом умного писателя. Воображение мое, воспаленное священной любовью к отечеству, искало в истории Российской, начертанной российским гражданином, не торжества словесности, но памятника славы нашей и благородного происхождения, не критического пояснения современных писателей, но родословную книгу нашего, до сих пор для меня еще не понятного древнего величия. Я надеялся найти в оной ключ всей новой европейской истории и истолкование тех ужасных набегов варваров, кои уничтожили римскую империю и преобразили вселенную, а не думал никогда, что история наша основана будет на вымыслах Иорнандеса², уничтоженных Пинкертоном³, на польских преданиях, на ложном повествовании о Литве, на сказках исландских и на пристрастных рассказах греческих писателей. Я надеялся, что язык славянский откроет нам глаза на предрассудки всех писателей средних веков, что он истолкует названия тех варварских племен, кои наводнили Европу, докажет единоплеменство оных и соделается, так сказать, началом и основанием истории новейших времен. Мне казалось, что сия мысль должна была господствовать в составлении истории происхождения нашего и служить, так сказать, связью с историей Европы и душою всего повествования.

И впрямь, ежели б основания нашего Отечества, сокрытые во тьме времен, не были бы велики, ежели б единство России и могущество оной не существовали бы или в самом деле, или, по

крайней мере, в живейшей памяти предков наших 9-го столетия, ежели б Рюрик был иноплеменный призванец, и варяги его не были бы россиянами, то как можно вообразить, что едва он воцарился над чуждым народом, как уже утверждён был в царствовании, что долгое его владычество не было подвержено никаким беспокойствам, что Синав и Трувор также беспрекословно княжили в их уделах, что смерть Рюрика не воспретила младенцу Игорю воссесть твердо на престол, колеблемый непостоянством новгородцев, что едва Олег явился пред Киевом и Киев пал к его стопам, что едва Киев покорился, и Олег уже прибывает щит свой на вратах Царь-Града, что малолетство Игоря было спокойнее Людовика 14-го, что едва Россия явилась в истории и уже владычествовала от берегов Балтийского моря до стены Балканских гор, что едва вышли мы из варварства, и реки просвещения и обилия протекли в Отечестве нашем; наконец, как может быть, чтобы Россия, существовавшая до Рюрика без всякой политической связи, вдруг обратилась в одно целое государство и, удержавшись на равной степени величия от самого своего начала до наших времен, восторжествовало над междоусобиями князей и даже над самыми гонениями рока... И все вышеприведенные происшествия от Рюрика до Игоря совершились в полвека варварского столетия!!! или сие есть историческое чудо, или должно было оное объяснить единственным средством, представленным писателю, то есть блестящею и вероятною гипотезою прежнего нашего величия.

Вот в каком смысле писал я к тебе, любезный друг, что Тит Ливий, основав на отечественных баснях римскую историю, заслужил признательность сограждан. Я, сообразуясь с временем нашим, не искал, конечно, в Карамзине какого-нибудь нелепого повествования о Божественном порождении России, но желал и теперь желаю, чтобы нашелся человек, который, овладев, так сказать, рассказами всех современных историков, общим соображением преклонил насильственно все их повествования к одной и той же системе нашего древнего величия. Сомнения всякого рода я мог бы найти в чужестранных писателях, но Карамзину предоставлено было вырыть ученой рукой из недр древности угловой камень российского здания и показать на оном надпись славы нашей, начертанной временем. Сам суди, прав ли я или виноват. Вот, любезный Асмодей⁴, письмо скорописанное, продиктованное в гневе на твои упреки. Но оно есть также залог дружбы, ибо кроме истинного приятеля я никому бы не хотел поверить мысли, коими почтенный мною Ка-

рамзин мог бы оскорбиться. Да зачем же он дает Киеву польское происхождение? Правда: это не простительно в нынешних обстоятельствах, когда каждый россиянин должен с римским мужем заключать всякую речь своиими словами: *Delenda est Carthago**.

<...>



* Карфаген должен быть разрушен (*лат.*).